

НИК ШЕСТАКОВ



ДНО

Ник Шестаков

Дно

<https://litres.ru/74202518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — поездка. И не каждый возвращается тем же.

«Мне не нужен ты успешный, — говорит Катя на ночной кухне. — Мне нужен ты». Но Алексей слышит только счётчик: 847 продаж за вечер. Он берёт куртку, садится в машину и уезжает в ночь — остыть на час. Может, на два.

К утру он оказывается в маленьком городе. На вывеске гостиницы — одно слово: Дно. Здесь старушка кладёт ему в сдачу тёплое перо, старик у белого Ленина читает «Правду» от 31 июля 1983 года — дня рождения Алексея, а музыкант в Доме культуры играет ту самую песню. На станции Дно действительно потеряно одно место.

Десять дней меняют его сильнее, чем десять лет успеха. Город встречает Алексея не сочувствием, а русскими словами, которые он давно забыл.

И вместе с ним — тебя.

Мы перестали слушать сказки. Стали слушать подкасты. Дно — то место, где подкасты не грузятся.

Терапевтический роман о возвращении к себе.

Содержание

Часть 1. Перо	4
Глава 1	4
Часть 2. Дно	28
Глава 2	28
Глава 3	46
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дно

*Трёх женищинам,
которые плетут мою судьбу.
Маме — Татьяне Шестаковой.
С тебя всё началось.
Жене — Арине.
С тобой всё обрело смысл.
Тёще — Анне Рыжановой.
Без тебя не было бы этой книги.*

*Хватились на станции Дно —
потеряно место одно.
С. Маршак, «Багаж», 1926*

*Мы все на дне.
Но дно — это твёрдо.
От него можно оттолкнуться.*

Часть 1. Перо

Глава 1

Надежда

Три часа он продавал надежду.

Чужую. Своя закончилась раньше — он точно не помнил когда.

— Друзья, — сказал он в камеру, — у вас есть сорок минут. Решение, которое трансформирует пять лет вашей жизни. Только сегодня. Только сейчас.

В чате посыпались эмодзи: огонек, еще огонек, сердечки, Алекс ты лучший, я уже оплатил. Алекс — встретимся на вершине.

Он давно не читает чат. Он знает что там.

Тело работало на автопилоте — голос говорил нужные слова, руки двигались как надо, ни один профайлер бы и не выявил подвох. Лицо держало уверенность с примесью заботы, строго в нужной пропорции. Свежий лук из барбер-шопа. Немного консилера под глаза, голубая рубашка с белым воротничком. Он сам придумал этот образ. Кажется, в 2007-м. Или раньше?

— Скидка пятьдесят процентов. Просто у меня хорошее настроение. Только сегодня. Завтра этой цены не будет.

Завтра этой цены не будет — последние три года. На каждом вебинаре. Завтра цена возвращалась. Потом снова не было. Все знали. Никто не говорил вслух. Такой договор.

Счётчик в углу экрана: 847 продаж.

Рекорд.

Что-то в нём улыбнулось. Маленькое, живучее — он давно перестал его уважать, но так и не смог убить. Оно радовалось цифрам. Всегда. Бойлерная.

— До встречи на вершине. Вы сделали правильный выбор. Нажал «завершить».

Вебинарная комната стала чёрной — как будто вынули батарейки. Он сидел перед тёмным монитором. Отражение в чёрном стекле. Софиты сбоку. Он не сразу понял что это его.

Снял рубашку прямо перед выключенной камерой, просто бросил на пол. Мокрая. Мокрые шорты решил пока не переодевать. Зачем фанатам знать, что я веду вебинар в шортах? Улыбнуло.

Запасную рубашку держал всегда рядом — привычка с живых выступлений. Где-то за кулисами всегда ждала точная копия голубой рубашки с белым воротничком. С тех самых времён когда зал мог и не принять. Тогда принятие что-то значило.

Сейчас «зал» не мог не принять. Они были обречены на любовь.

Алгоритм не позволял.

847.

Он выключил свет. Пошёл на кухню.

Там, в темноте, на столе стоял ужин.

Давно холодный ужин.

Кухня

Москва. 00:23.

На кухне горела одна лампа — над столом, не дальше.

Катя сидела в углу стула — колено подтянуто к груди, пятка на краю сиденья. Халат. Руки вокруг колена.

Стол был накрыт. Две тарелки. Свечи — догоревшие, лужицы воска. Бокалы. Бутылка из шкафа — та самая, три года ждала особого случая. Два блюда под крышками. Хлеб в полотенце — она всегда так.

И маленькая коробочка. Белая. Розовый бантик. Рядом с его тарелкой.

Он стоял в дверях. В шортах. Смотрел на стол.

— 847, — сказал он.

Катя подняла глаза.

— Рекорд. Три часа — и 847. Прошлый раз было 612 представляешь? Я говорил что воронка заработает, вот оно, сегодня просто...

— Алёш.

— Что?

Она ждала.

По его лицу пробежала тень.

— Сегодня восемь лет, — сказала она.

Свечи догорели уже давно. Бутылка распечатана. Немного красного вина в её бокале, хорошее. Маленькая белая коробочка с розовым бантиком у его тарелки.

— Ты обещал на час, — сказала она. Без обвинения. Просто факт. — Я сделала все быстро. Ждала.

— Вебинар пошёл лучше чем я думал. Я не мог просто

выключить — там живые люди, там...

— Я знаю.

— Катя, ты понимаешь что значит 847? Это не просто цифра, это три года работы, три года я строил это и сегодня наконец...

— Мне не нужен ты успешный.

Он остановился.

Она смотрела прямо перед собой. Не поменяла позу, не шелохнулась. Колено у груди, руки.

— Мне нужен ты.

Пауза.

Она не понимает. Три часа. 847. Я для нас это делаю. Всё это — для нас. А она сидит вот так и смотрит. Вместо того чтобы порадоваться — одну секунду, просто одну.

Он развернулся.

Пошёл в спальню.

Она слышала открытие дверей шкафа. Ящик. Молния его дорогой сумки.

Вышел через три минуты. Джинсы. Куртка. Сумка.

Прошёл мимо стола. Взял ключи.

— Мне нужно остыть.

Она кивнула. Один раз.

Дверь закрылась. Мягко. Он специально.

Катя осталась в тишине.

Потом встала. Подошла к столу.

Посмотрела на маленькую белую коробочку у его тарелки.

Погасила лампу. Ночь.

Тьма

Парковка под его «элитным домом» была почти пустой. Его Quattro стоял в дальнем углу — он всегда ставил в дальнем углу, не потому что так хотел. Аренда машино-места. В Москве так.

Сел. Закрыв дверь.

Тишина.

Телефон кинул на пассажирское сиденье — экраном вниз, включив режим «не беспокоить». Восемьсот сорок семь регистраций за три часа — или сколько там уведомлений не бежало следом. Пусть выстоятся.

Завёл двигатель.

Навигатор не открыл. Выехал наружу, взял направление — туда, где меньше светофоров, где ночь стояла плотнее. На север. Не потому что решил ехать куда-то конкретно. Просто в никуда — и север оказался прямо.

Москва отпускала медленно. Сначала светофоры, потом развязки, потом длинные отрезки с фурами и синими знаками «сужение дороги». Летел и не думал. Злость ещё кипела — не та злость что обычно кричит, а та что сидит под грудиной и давит ровно, без пауз. Знаком с ней давно. Старая

подруга.

За Химками стало темнее.

За Клином — изменился воздух.

Открыл окно — всего на два пальца. И вот оно. Не бензин, не московский асфальт — прохладное, живое. Земля. Прошлогодняя листва. Что-то смолистое, из леса, он не помнил как это называется. Вдохнул, потом ещё раз.

В Москве воздух не пахнет. Он давно не задумывался об этом.

Трасса опустела. Редкие фуры — шёл на обгон и возвращался, без спешки. Audi шла ровно, тихо. Только шины — долгий, низкий шёпот по мокрому асфальту, почти одна нота — белый шум. Слышал этот звук тысячи раз. Но не слышал его ни разу.

Музыка в динамиках играла сама — старый плейлист, нажал play ещё на парковке, не выбирая. Что-то спокойное. Убавил звук. Потом ещё. Потом музыки не стало совсем — остался лишь шёпот шин, уютное урчание двигателя и лес по обеим сторонам, тёмный, плотный, почти майский. Где-то там всё уже распустилось — он знал это умом. Но деревья стояли стеной, без просветов. Не пускали.

Ярость остывала медленно. Не уходила — меняла температуру. Из горячей в тёплую, из тёплой — занозой где-то под левым ребром.

Думал про маленькое живучее. Про то как цифра скакнула на 847 — так же как однажды на одиннадцать, в тот пер-

вый раз, когда одна женщина написала в чате спасибо, это именно то что мне было нужно. Одна из одиннадцати. И оно тогда накрыло.

Сейчас 847 — победа же.

Разницы не почувствовал. Азарт был в моменте, сейчас это уже просто данные в каком-то файле, KPI, или как там оно называется?

Тверь проявилась огоньками. Мост. Волга внизу — широкая, чёрная и спокойная, ей не было до него никакого дела. Взглянул на воду всего секунду. Отвёл взгляд.

За Тверью стало совсем тихо.

И вдруг из динамиков — узнал сразу, ещё до слов. По звуку, по тому как гитара берёт первый аккорд — будто извиняется что беспокоит своим присутствием.

Бутусов.

Горят над нами, горят

Бриллиантовые дороги

В тёмное время суток. [1]¹

Не убавил звук.

Мокрый асфальт в фарах тянулся вперёд — длинная полоска, уходящая за горизонт. Каждая капля влаги глотала свет и возвращала его обратно. Тысячи маленьких огней под колёсами. Тихий, холодный блеск.

¹ Цитата из песни «Бриллиантовые дороги». Автор слов — Илья Кормильцев; музыка — Вячеслав Бутусов. Исполнитель — группа Nautilus Pompilius.

Объективно — бриллиантовые. Бутусов прав.

Три года ехал по этому асфальту. Ни разу не смотрел вниз.

Мост — небольшой, районный. Речка под ним тёмная, узкая, торопилась куда-то по своим делам. Знак мелькнул справа — синий, обычный:

р. Тьма

Не подумал про знак.

Датчик бензина — почти полный. Руки на руле. Обычные руки. Не помнил когда последний раз просто смотрел на свои руки.

Бриллиантовые дороги заканчивались — последний куплет, тишина. Следующий трек не поставил, включил паузу. Ехал так — только шины, только лес, только воздух из щели окна.

Вышний Волочёк пролетел незаметно.

Новгородская область началась без объявления. Просто асфальт стал чуть иным — и лес другой, темнее, гуще. Алексей почувствовал это раньше чем заметил.

Остановка

Он не знал, сколько ехал после Волочка. Двадцать минут, сорок — трасса не менялась: лес, пунктир, тишина в динамиках.

Потом справа мелькнул указатель. Белые буквы на зелё-

ном: Яжелбицы.

Прочитал и не понял. Перечитал в зеркале — уже не видно. Слово повисело внутри, тяжёлое и бессмысленное, как камень в кармане, — и осталось.

Через три километра появился свет. Не фонари — другой, желтоватый, живой. Справа, за отбойником: парковка, навес, окно, в окне — лампа. Вывеска: «Пирожки». Буква «П» не горела.

Он не планировал останавливаться. Но тело решило за него — руки повернули руль, нога нажала тормоз. Машина встала на пустой парковке, между фурой с калужскими номерами и мусорным баком.

Заглушил двигатель. Тишина ударила в уши — густая, влажная, с запахом земли и хвои. Где-то капало. Пять утра, конец апреля. Небо на востоке было серым, но не тёмным — будто кто-то начал стирать ночь ластиком, но бросил на полпути.

Крестцы. Он вспомнил — село на трассе, славится пирожками. Кто-то когда-то говорил. Или он читал. Неважно.

Окно было открыто. За стеклом, в глубине, стояла женщина — не старая и не молодая, в синем переднике. Она что-то делала руками, и Алексей не сразу понял что: лепила. Тесто, начинка, движение пальцев — быстрое, точное, как у хирурга. Стопка готовых пирожков росла на противне слева. Справа кипело масло в низкой сковородке.

Подошёл к окошку. Женщина подняла голову.

— С капустой, с яйцом, с картошкой, — сказала она. Не «доброе утро», не «что желаете». Три слова, как три карты.

— С капустой.

— Чай будете?

— Буду.

Она достала пирожок щипцами, положила на бумажную тарелку. Налила чай в пластиковый стакан — из настоящего чайника, не из автомата. Чайник был старый, алюминиевый, со вмятиной на боку.

Расплатился. Не помнил сколько. Какая-то мелочь по Московским меркам.

Пирожок обжигал пальцы. Алексей стоял на парковке, между Ауди и фурой, и ел. Тесто хрустело, начинка была горячей и простой — капуста, лук, чуть масла. Он ел и не мог остановиться, хотя пирожок был один.

Из кабины фуры спустился мужик в камуфляжной куртке, кивнул, прошёл к окошку. Заказал три с картошкой и чай. Вернулся к фуре, сел на подножку. Они ели одновременно, молча, как два человека в одной столовой, которые друг друга не знают и не хотят узнать. Но делают одно и то же. В одно время. В одном месте.

Чай был горячий и сладкий. Алексей не просил сахар — она положила сама. Два куса. Он пил, и сладость казалась правильной, хотя дома он пил без сахара уже лет пятнадцать. Дома — это слово тоже обожгло, как тесто. Он отставил стакан.

Светлело быстро. Облака над трассой порозовели снизу, и верхушки елей стали отдельными — каждая своя, а не стена. Воздух пах мокрой дорогой, и где-то далеко, за лесом, коротко и сипло крикнула птица. Он не знал какая.

Алексей посмотрел на приборную панель, когда сел в машину. Бензина — чуть меньше половины. Часы показывали 05:14. Он подумал — хватит. Не о бензине подумал. Обо всём.

Завёл двигатель. Пирожок ещё чувствовался на языке — масло, капуста, хрустящее тесто. Простая вещь, которую не нужно было продавать.

Мимо окна проплыл указатель: Крестцы. Дальше была дорога. Он не думал куда.

Заселение

Псковская область. Кусочек — совсем маленький. Лес придвинулся к дороге почти вплотную. Первые выбоины.

Рассвет он пропустил. Просто в какой-то момент фары стали не нужны — и он их выключил. Всё. Вот и весь рассвет.

Телефон по-прежнему лежал экраном вниз. Почти девять часов — ни разу не взял в руки. Ни карты, ни маршрута, ни точки назначения. Просто ехал.

Первый раз за очень долгое время — просто ехал.

Где-то под всем этим маленькое живучее притихло. Не

умерло — притихло. Смотрело.

Почти проехал мимо.

Маленький знак справа — районный, белый. Сверху — что-то, не успел прочесть, что. Ниже, чуть мельче: гостиница, центр.

Нога сама убрала газ.

Не решение. Просто нога.

Свернул.

Дорога пошла через город — маленький, тихий, утренний. Фонари ещё горели — зря, уже не нужны. Пустые улицы, припаркованные у заборов Жигули, палисадники с прошлогодней листвой. Где-то открывалось окно. Где-то шёл человек с собакой, не смотрел по сторонам. Город просыпался тихо — без суеты, без спешки, как будто никто никуда не опаздывал.

Навигатор открыл впервые за девять часов — въезжал в чужой город, нужна была гостиница. Телефон мигнул уведомлениями — не посмотрел. Нашёл ближайшую.

«Уютный дом».

В груди что-то кольнуло — Катя. Её слова, не вся ссора, просто одна фраза. Он не стал её додумывать.

Поехал туда, где светилась вывеска.

Двухэтажная серая штукатурка на тихой улице. Вывеска на торце — синяя, вертикальная, одно слово: ДНО. Рядом магазин разливного пива с баннером в полфасада. На углу аптека — «Апрель», синий крест. Четыре машины у крыль-

ца. Одна — с прицепом.

Навигатор обещал «Уютный дом» — наверное здесь.

Подъехал к красной кирпичной стене, возле входа в гостиницу. Заглушил двигатель.

Поднял глаза в зеркало заднего вида — просто так, привычка.

Мужик.

Телега. Деревянные колёса — спицы, ось, грязь на ободе. Лошадь тёмная, крупная, шла размеренно. Но звука не было. Никакого. Ни цокота копыт, ни скрипа колёс — шла по асфальту беззвучно, как по воздуху. Мужичок сидел прямо, в картузе — тёмно-зелёном, старомодном, с коротким козырьком. Смотрел вперёд. Не на Алексея. Просто ехал — мимо, в тишине которой не должно было быть.

Алексей обернулся.

Улица. Фонарь — горел зря. Утро.

Пусто.

Вглядывался ещё несколько секунд. Птицы орали вовсю. Ничего больше.

Вышел из машины. Открыл заднюю дверь — достал сумку. Тёмно-коричневая кожа, золотые инициалы, бутик на Большой Дмитровке. Здесь это выглядело как с другой планеты.

Закрыл дверь.

Воздух ударил сразу — влажный, прохладный, живой. Восемь градусов, не больше. Апрель в Псковской области не

торопился теплеть.

Поймал себя в отражении — в тёмном стекле боковой двери. Его лицо. Щетина. Глаза человека, который очень давно не спал.

Девять часов за рулём.

Пошёл к двери.

Внутри пахло старым линолеумом и почему-то борщом.

Лампа дневного света над стойкой гудела едва слышно — ровный, усталый звук. За стойкой была немолодая женщина. Смотрела в журнал — вписывала что-то пером. Подняла глаза когда он вошёл — без удивления.

— Одноместный? — сказала она.

— Да.

Она уже печатала.

— Надолго?

Он открыл рот. Закрыл. Подумал секунду — не о сроках, а о том что не знает ответа. Первый раз не знает.

— Не знаю.

Она посмотрела поверх очков. Не осуждая. Просто посмотрела — как смотрят на что-то знакомое.

— Оформим пока на сутки. Продлите если что.

Он кивнул.

Она подвинула бланк. Ручка скрипела по бумаге — фамилия, имя, паспорт, дата. За окном небо из серого становилось белым. Во дворе стоял старый тополь — неподвижно, без ветра.

Взяла бланк, не читая. Выложила ключ — металлический, старый, с деревянной грушей-брелоком. На груше выжжена цифра 8.

И сказала — буднично, так говорят на тысячный раз:

— Добро пожаловать в Дно.

Он поднял взгляд.

Она смотрела в монитор.

Стоял с ключом в руке.

— Простите?

— Второй этаж, налево, — сказала она. — Завтрак с вось-
ми.

По лестнице шёл и думал, что ослышался. Или она пошутит. Или это название кафе где-то рядом. Или кличка у хозяина — всякое бывает. Или он просто очень давно не спал и слова стали призрачными, меняют форму.

Второй этаж. Направо. Восьмой номер.

Ключ вошёл с первого раза.

Внутри — кровать, окно, за окном двор и рассвет. Кровать застелена по-советски: плотно, с валиком, покрывало в мелкий цветочек. Тумбочка. Гранёный стакан вверх дном на узорчатой салфетке. Всё.

Сел на краешек кровати.

Посидел.

Лёг не раздеваясь — просто опрокинулся на спину. Ботинки снял — поставил аккуратно у кровати, сам удивился этой аккуратности. Руки сложил на груди. Потолок белый, с

трещиной от угла до середины.

Закрыв глаза.

Мужик в картузе ехал куда-то по улице.

Медленно. Колёса деревянные — он видел их отчётливо. Но звука не было. Лошадь шла по асфальту беззвучно, как по воздуху. Мужичок сидел прямо. Смотрел вперёд. Только в этот раз — чуть повернул голову. Или показалось.

Алексей открыл глаза.

Потолок. Трещина. Белый.

Не заметил как уснул.

Будильник

Будильник показывал 20:14.

Он смотрел на цифры, пока не понял, что не понимает — это утро или вечер. Рука потянулась к телефону. Телефон был мёртвый.

Алексей встал, подошёл к окну, отдернул штору.

Темно.

Значит, вечер. Он проспал весь день.

Он подождал — и не почувствовал ничего. Никакой паники, никакого импульса схватить телефон, написать, объяснить где он. Темно за окном, 20:14 на циферблате, простыня с отпечатком тела — он лежал ровно, не ворочался.

Последний раз так спал — даже и не помнил когда.

Комнату он разглядел ещё вчера ночью, видимо, не до конца. Теперь смотрел внимательно.

Стены цвета варёной сгущёнки. Ковёр с оленями — олени стояли боком, одинаковые, семь штук, и у каждого был одинаковый взгляд куда-то вбок, мимо всего. Между окном и шкафом — телевизор «Рубин» на тумбочке. Маленький, выпуклый, в пластиковом корпусе цвета слоновой кости. Сверху — белая салфетка, вышитая ромашками по краю. Лежала аккуратно, как будто кто-то специально постелил, чтобы не пылился экран.

Он задержался на салфетке дольше, чем на остальном.

У его бабки в Рубцовске был такой же телевизор. Или похожий. Она накрывала его точно так же — когда выключала, клала салфетку сверху. Он спрашивал зачем. Она говорила: так надо.

Телевизор не включил.

На тумбочке рядом с кроватью лежала книга. «Три товарища», Ремарк — обложка потёртая, уголки загнуты. Он открыл наугад, прочитал одну фразу, закрыл. Фраза была про то, что ночью всё выглядит иначе. Он положил книгу обратно.

Телефон не заряжался — розетка была советская, вилка не входила. Он попробовал оба гнезда. Потом просто положил телефон экраном вниз на подоконник.

Полгода назад в Казани он вёл семинар. Восемьсот чело-

век, большой зал за городом, кондиционеры не справлялись. Он шёл к микрофону — и пол уехал у него под ногами.

Очнулся за кулисами. Первое что увидел — гипсовый Ленин. Огромный бюст, выкрашенный белым, стоял в углу и смотрел куда-то поверх всего с видом человека, которому давно всё ясно. Потом он увидел Катю.

Она держала его за руку. Не говорила ничего, просто держала.

Он лежал на кожаном диване — старом, в трещинах, с продавленными подлокотниками. Рядом стоял зелёный релейный шкаф, у стены — операторский стол с открытым ноутбуком и клубком проводов. За стеной шумел зал. Восемьсот человек ждали.

Скорая ехала двадцать минут. Пока ехала, он попросил организаторов запустить следующего спикера — зал не должен простаивать.

Катя смотрела на него — молча, внимательно.

Потом сказала: «Тебе себя не жалко?»

Он ответил: «Это же аритмия, а не инфаркт».

Она отпустила руку. Встала. Вышла искать воду.

Тогда решил, что она не поняла — насколько важен был тот семинар.

На этаже, в умывальнике, горячей воды не было. Только холодная — злая, напористая. Он подставил лицо. Подержал.

Спустился к стойке.

Она была там — в розовом худи, с банданой на волосах, с серебряными кольцами на обеих руках. Смотрела куда-то мимо него — в окно, на улицу, на темноту. На лацкане висел бейджик: Я. Г. Азарова.

— Выспался? — спросила, не оборачиваясь.

— Да, — сказал он.

— Это хорошо.

Она улыбнулась — коротко, краем рта. Золотой зуб поймал свет от лампы и погас.

Больше ничего не сказала.

Он вышел на улицу.

Было тихо. Не мёртво — именно тихо. Он не сразу понял разницу, просто стоял на крыльце и слышал: где-то далеко шёл товарняк, в соседнем дворе кто-то негромко разговаривал, пахло землёй и чем-то цветущим, чем именно — он не знал.

Конец апреля. В Москве в это время уже все куда-то едут.

Здесь — просто вечер. Фонарь. Асфальт с трещиной.

Алексей застегнул куртку и пошёл туда, куда вела улица.

Магазин

Город вечером выглядел иначе, чем он запомнил. Не мрачным, не провинциально-унылым — просто живым, по-

своему уютным, чистым. Горели окна. Где-то работал телевизор. Собака пробежала вдоль забора, не обратила на него внимания.

Магазин он увидел по свету — витрина горела жёлтым, внутри двигались тени.

У порога — снова она.

Стояла спиной, смотрела на что-то у двери. Розовое худы, бандана, серебряные кольца на обеих руках. Угги со стразами отразили свет витрины мириадами огоньков. Он не сразу понял, что это та самая женщина — из гостиницы, из-за стойки. Здесь она выглядела иначе. Меньше — и одновременно странно больше.

Она не обернулась. Он вошёл.

Внутри пахло кисловатым — молочка, или половая тряпка в углу. Что-то застоявшееся. А чуть поверх — запах трав или чая, он не понял. Стеллажи узкие, проход между ними на одного человека. Он прошёл мимо хлебного отдела, мимо консервов, свернул туда, где должен был быть алкоголь — нашёл сразу.

Стеллаж был плотно забит водкой. Разной. Дешёвой, чуть дороже, местной, московской, с золотыми крышками и с красными. Отдельно — пиво, много, несколько стеллажей. Между ними — пробел. Ни вина, ни виски, ни рома.

Он стоял и смотрел на водку. Названия, которых не знал. Рука не потянулась. Стоял.

Таиланд. Тринадцать лет назад, сразу после развода. Сбе-

жал — просто подальше и побыстрее. Снял виллу с бассейном, составил список в самолёте: бегать, читать, думать. Рас-ти.

Открыл виски в первый же вечер. Потом во второй. Пере-стал считать вечера — и начал открывать утром.

Русский дзен, он такой — алкоголь, тишина, сон, сно-ва алкоголь. Просыпался, обещал себе больше никогда не пить, наливал. Потому что когда наливал — мысли смолка-ли. Просто смолкали. Других способов выключить звук — он тогда ещё не открыл.

Месяц стал двумя. Потом тремя. Срок аренды виллы за-кончился — переехал в другую, подешевле. Потом в кварти-ру. Список из самолёта лежал в кармане рюкзака — он ино-гда его доставал, перечитывал, убирал обратно. Один раз да-же собрался на пробежку. Пошёл дождь.

В какой-то день — он не запомнил в какой — просто со-брал чемодан. Не потому что решил завязать. Просто так по-лучилось.

С тех пор — не пил. Без программ, без групповых разго-воров. Перестал — и всё.

Он отвернулся от стеллажа.

Взял хлеб — буханка, тёмная, плотная, с какими-то се-мечками наверху. Колбасу — краковская, целым куском, на-резки не было. Сыр — тоже куском, твёрдый, в вакуумной упаковке, название на этикетке было местное, незнакомое.

Подошёл к кассе.

Она уже была там — обошла его откуда-то сзади или сбоку, он не заметил когда. Маленькие круглые очки в металлической оправе. Странно, утром вроде были квадратные. Золотой зуб — левый верхний, снова блеснул светом лампы.

В лице было что-то знакомое. Недавнее. На стойке в гостинице всё произошло быстро — ключ, этаж, номер восемь. Он не разглядывал. А здесь она болтала, двигалась, и он невольно рассмотрел: очки, бандана, кольца, худи розовое. Нелепый лук. И определённо — та же самая. Или близнец. Он был слишком уставшим чтобы думать дальше.

На лацкане: Я. Г. Азарова. Я.Г.А...

Она пробивала продукты молча. Хлеб — пик. Колбаса — пик.

— Снова москвич, — сказала она не ему. Просто в воздух, как будто продолжала разговор с кем-то невидимым. — Вечно оне с пустыми руками ходють.

Сыр — пик.

— Константин Ольгович скоро объявится. Он всегда к новеньким приходит.

Алексей не понял к кому она обращается. Кивнул вежливо.

— А над ним — Губер. Геннадий Орестович. Тот вообще давно пристроился. Ещё при первом царе.

Она пробила пакет. Спокойно.

— Живучий. Что твой Горыныч.

Он смотрел на её руки. Быстрые, привычные. Кольца на

каждом пальце — серебряные, разные, ни одного похожего. Те же руки. Он видел их — только что. Где?

Стойка. Ключ. Номер восемь.

Он моргнул. Посмотрел на неё — она уже пробивала итог.
— Сколько?

Она назвала. Он протянул купюру.

Она отсчитала сдачу — монеты в горсть — и положила сверху перо. Длинное. Рыжевато-золотое.

Он посмотрел.

— Это что?

— Сдача, не благодари, — сказала она. — Бери-бери. Пригодится.

И посмотрела на него поверх очков — спокойно, без улыбки. Просто посмотрела. Как смотрят на что-то давно знакомое.

Он взял. Монеты холодные. Перо — тёплое.

— Спасибо.

На него она уже не смотрела. Глядела в окно, на улицу, в темноту, как будто что-то там уже происходило.

Он взял пакет и вышел.

Постоял немного на крыльце. Достал перо — отдельно от монет. Подержал в ладони. Тёплое — заметно, не показалось. Поднял — посмотрел на просвет фонаря. Рыжеватое свечение, как будто изнутри.

Убрал в карман.

Пошёл обратно в гостиницу.

Часть 2. Дно

Глава 2

Утро

Он проснулся сам.

Без будильника, без вибрации телефона. Без звуков из кухни, где Катя тихо громыкает посудой — так, чтобы не разбудить.

Просто проснулся — и всё.

За окном было уже светло. Не самолётный иллюминатор с шторкой. Не московская спальня, где на окнах светонепроницаемая плёнка — нажал кнопку, и города нет. Здесь обычный тюль, обычное стекло — и утро приходит как оно захочет. Он лежал и смотрел как пятно на потолке медленно наливалось желтым.

На стене заметил три плаката. Горы. Озеро — и в углу лодка. Между ними что-то про мечты, каллиграфия с завитками. Он не читал.

Солнце лилось откуда-то сбоку, через девять часов езды от Москвы. Выспался. Удивлен.

Он уже и не помнил когда в последний раз просыпался вот так. Без мыслей про расписание — и без этого фонового

шума.

Телефон лежал на подоконнике экраном вниз — там куда он его вчера положил ещё вечером. Рядом светилось оранжевое перо.

Он встал. Взял перо в руку. Подержал. Снова тёплое — хотя ночью в номере было довольно холодно, он это точно помнил. Положил его обратно.

К телефону не притронулся. Там наверняка были пропущенные — он знал это так же точно как и то, что на улице ещё апрель. Не сейчас.

У кровати лежал пакет из магазина — так и не открыл вчера. Хлеб, колбаса, сыр. Взял кусок хлеба — съел стоя, над тумбочкой, глядя в окно. Больше не захотелось.

Сумка по-прежнему лежала у стены — там куда он её бросил в ночь приезда. Тёмно-коричневая кожа, Большая Дмитровка. Бутик закрыли четыре года назад — не ушли, просто перестали работать. Аренду, говорят, продолжают ещё платить. Он проезжал мимо в феврале — вывеска на месте, аккуратная, чёрная, внутри горит свет, всё стоит как было. Странные люди. И кого они наказали своим закрытием — только сами несут убытки. Ждут чего?

Он присел на корточки и провёл рукой по дорогой коже сумки. Лёгкий слой пыли — не толстый. Катя время от времени её протирала. Он не просил. Она просто протирала.

Расстегнул молнию.

Сумка была собрана ещё полгода назад. Или год. Лежала в

шкафу, на нижней полке. Слишком много перелётов и бизнес-лаунджей — и слишком часто его чемодан прилетал в Новосибирск, а он — в Екатеринбург. После третьего такого раза он собрал эту сумку и больше не сдавал её в багаж. Набор для выживания в чужом городе. Всё необходимое — всегда с собой.

Когда он вышел вчера из квартиры — он не собирал вещи. Просто открыл шкаф, схватил сумку.

Внутри был пиджак — синий, английская шерсть, не мнётся. Шил на заказ, ателье на Кузнецком. На внутреннем кармане — монограмма: АР. Золотые буквы, плотная нить. Мастер не спрашивал что значит. Просто сделал.

Рубашка — белая, особая ткань, не требует глажки. На левом манжете — снова вензель АР. Он заказывал дюжину таких ещё в 2019-м, когда выступал вживую. Залы, микрофон, аплодисменты, народное обожание, фанатки. Полгода как ушёл в онлайн. Рубашки остались.

Майка — тоже белая. Тоже АР — над левым соском, там где обычно находится сердце.

Alex Power.

Псевдоним, который он придумал себе в 2008-м — когда понял что Алексей Власов звучит слишком просто для человека который учит других жить успехом. Сто двадцать тысяч подписчиков в инстаграме — половина конечно боты из Пакистана и Индии, но кому это было важно. Тогда важна была цифра. Внушительная армия свидетелей величия Алекса

Пауэра.

Он держал майку в руках дольше. Потом положил на кровать.

АР на пиджаке. АР на рубашке. АР на майке.

Алексей Власов — нигде.

Дальше тривиальное.

Две пары белья. Синие джинсы. Футболка из плотного хлопка, без надписей — единственная вещь в сумке без истории. Кроссовки на плоской подошве, белые, такие что и под пиджак, и просто так.

Барсетка — кожаная, дорогая, под стать сумке. Внутри: щётка, паста, бритва Rockwell с тяжёлой рукояткой, помазок, банка с мылом для бритья. Никакого «Жилетта» — обычного переоценённого дерьма, он это говорил всем кто спрашивал, да и остальным тоже. Бритьё — это же ритуал, а не процедура, а мы заряжаемся на успех уже утром, у зеркала...

Рядом — парфюм, дорожный флакон, «Шейх». И обязательный консилер. Маленький тюбик телесного цвета. Под глазами с некоторых пор появлялись тени которые не уходили даже после хорошего сна. Всё-таки уже не мальчик. А гуру должен быть во всеоружии. Гуру никогда не выглядит усталым. Никогда.

Положил барсетку на тумбочку.

Зарядка — запасная. Европейская вилка в советские розетки не идёт. Он это знал. Положил обратно.

Маркеры — четыре штуки, синий, красный, чёрный, зелёный. Взял синий, снял колпачок. Понюхал. Высох. Давно. Закрыл. Положил обратно все четыре.

Батарейки — две, квадратные, тип «Крона». Для микрофона. В каждом зале, от Владивостока до Калининграда всегда происходил один и тот же разговор со звуковиком и как правило за десять минут до начала.

— Батарейки свежие?

— Да-да, только вчера поставили. — И через двадцать минут микрофон начинает хрипеть и заикаться.

Много лет он возил свежие батарейки с собой. Ни разу не пожалел.

Янтарная кислота — пачка, почти полная. Первое средство от похмелья. Классика. Он давно не пил. Но пачка ждала своего выхода. На всякий случай.

Влажная туалетная бумага — запаянная пачка. В каждом ДК, в каждом конференц-зале — туалет без бумаги. Это закон жанра.

Он засмеялся. В пустой номер. Смех получился неожиданный — как будто давно не пользовался и немного забыл как это делается.

Где-то сейчас кто-то приземлился в тёплой стране — майские, всё как положено. Кто-то с женой, кто-то с любовницей или двумя. Катя хотела в Черногорию на праздники — говорила ещё в марте. Он кивал. Но успех не ждёт, его надо ловить за хвост, успех надо планировать — это он говорил

на каждом семинаре. Кому его планировать — не уточнял.

Алексей сел на кровать.

За окном — Дно. Четверг. Последний рабочий день перед праздниками. Где-то в Москве люди закрывали свои ноутбуки, брали телефоны и во все стороны летели смс-ки по поводу шашлыков и дач.

Он смотрел на содержимое сумки, разложенное по советскому покрывалу с геометрическим орнаментом.

Перо на подоконнике. Тёплое.

Телефон — экраном вниз. Холодный.

Москва

В Москве утро начиналось в семь. Всегда.

iPhone на тумбочке, вибрация и три коротких звонка — один мягкий, два резче. Триста шестьдесят пять дней в году, включая первое января. Ноги на пол. Три секунды сидя, глаза закрыты, позвоночник прямо. Потом — ванная.

Холодный душ. Не прохладный — холодный. Двенадцать градусов, он замерял. Стоял под струёй ровно две минуты, считая выдохи. Первые тридцать секунд — ад. Потом тело сдавалось, и наступало то, что он называл ясностью. Кожа горела, зрачки расширялись — и мысли сжимались в точки. Как пули. Он читал об этом в книге шведского биохакера — или норвежского, уже неважно.

Зеркало. Лицо — мокрое, живое, своё. Щетина — трёх-дневная, ровная, подбитая триммером. Часть брэнда: не борода, не гладко — между. Показная небрежность, которая однако стоила ровно четыре минуты времени, каждое утро.

Кухня. Блендер — Vitamix, подарок от спонсора. Банан, шпинат, протеин, миндальное молоко, чайная ложка кокосового масла. Две минуты — стакан. Пил стоя, у окна. Высокий этаж, бизнес-класс, северо-запад Москвы. За окном — крыши хрущёвок, которые ещё не попали под реновацию. Дальше — парковка, чья-то Газель с надписью «Грузоперевозки Анатолий».

Смузи зелёный, густой, правильный. Вкуса не чувствовал. Топливо.

Студия — через коридор. Бывшая детская. Кольцевая лампа, камера на штативе, микрофон-петличка, ноутбук, второй монитор, софтбокс слева, отражатель справа. Чёрный книжный шкаф с полками. Позади. Всё стояло как хирургические инструменты — каждый предмет на месте, ничего лишнего.

Садился. Открывал ноутбук. Три окна: таблица контент-плана, черновик вебинара, статистика канала. Цифры загружались первыми — смотрел на них, как пилот на приборы. Подписчики, охваты, конверсия, средний чек. Каждая цифра — диагноз. Рост доказывал. Падение давало задачу.

Потом включал камеру.

— Доброе утро. С вами Алекс Пауэр!

Голос — поставленный, тёплый, ниже, чем в жизни. Он отточил этот голос не специально — голос выработал себя сам, от многократных повторов, записей, прогонов. Тысячи записей, тысячи приветствий по утрам. Тело знало. Руки знали — где лежать, как двигаться, когда замереть. Лицо — улыбка на слове «вы», серьёзность на слове «результат», пауза перед «и вот что я понял».

По три ролика за утро. Иногда четыре. Каждый — от двенадцати до восемнадцати минут. Ни секунды дольше: аналитика показывала, что после восемнадцатой минуты удержание падает на сорок процентов. Он знал это так же точно, как знал свой вес.

Между записями — пять минут. Вставал, наливал воду, делал двадцать приседаний. Не для здоровья — для тонуса голосовых связок. Прочитал где-то. Или придумал сам.

К десяти утра рабочий день был наполовину готов. К десяти утра обычные люди только просыпались. Он знал это — и знание грело. Не радовало — грело.

По дороге в бывшую детскую — проходил мимо гардеробной. Гитара стояла в углу — чёрный чехол, молния заедала с правой стороны. Он видел её каждое утро, когда доставал рубашку. Не трогал. Иногда взгляд задерживался на секунду дольше, чем нужно. Но руки шли к рубашке, не к чехлу.

Катя в это время ещё спала. Она возвращалась поздно — ресторан закрывался за полночь, иногда позже. Он слышал, как она входит, — или не слышал. К утру она лежала на сво-

ей половине, лицом к стене. Он не проверял, спит или нет.

...Потолок. Трещина от угла до середины. Постеры с горами. Каллиграфия с завитками. Номер восемь.

Где-то капала вода — в ванной, наверное. Тихо. Ровно. Без расписания. Как метроном. Сбитый.

Он лежал и слушал, как капает.

Город

За стойкой сидела та самая старушка из магазина.

Он замер на последней ступеньке лестницы.

Розовое худи. Бандана на голове — повязана лихо, по-пиратски. На каждом пальце — серебряное кольцо, и на левой руке, и на правой.

Вчера она была за кассой. Сегодня — здесь.

— Вы... — он не договорил.

Она подняла взгляд. Подождала.

— Вы же вчера в магазине были.

— Была, — согласилась она. — И что?

— Ничего. Просто... вы здесь тоже работаете?

Она посмотрела на него поверх очков — так смотрят на человека который задал вопрос с очевидным ответом.

— Старица я. Делать неча. Вот и сию где дозволяют.

Помолчала. Потом добавила — без интонации, просто

констатируя:

— Доброе утро, Алексей.

Он не сразу понял что она обращается к нему.

— Откуда вы...

— Так в журнале записано. — Она кивнула на толстую книгу в клеёнчатой обложке. — Чернилами. Власов Алексей Николаевич, номер восемь. Постояльцев немного — всех помню.

Она снова опустила взгляд к вязанию.

Алексей стоял ещё секунду.

— А это что — гудит? — он кивнул в сторону окна. — С вечера слышу.

— Станция, — сказала она не поднимая головы. — Железная дорога. Город у нас такой — узловой.

— А город как называется?

Она подняла взгляд. Посмотрела на него пристально — без удивления, без насмешки. Как смотрят на человека который уже знает ответ, но ещё не готов его услышать.

— Дно, — сказала она просто. — Псковская область.

И вернулась к вязанию.

— Ярослава Громославовна, — добавила она, не поднимая головы. — Азарова. Коли понадобится — здесь буду.

Алексей помедлил, но вышел на улицу.

Воздух ударил волной — не московский, не аэропортный, иной. Живой. Пахло влажной землёй, молодой травой и ещё чем-то угольным, вроде знакомым и далеким — со стороны

станции, которую он теперь знал по имени.

Он замер на крыльце. Просто подышал.

Справа — бельё на верёвке между двумя столбами у кирпичной стены. Белая простыня, синяя рубашка, что-то детское, красное. Всё спокойно развивалось в утреннем воздухе. У забора стояла старая тёмная машина — давно, судя по всему, никуда не торопилась. Рядом его блестящий Audi, словно из другого мира.

Город издавал тихий гул. Со стороны станции — приглушенный лязг, короткий гудок, потом тишина. В кроне тополя у забора — воробьи, много, все радостно галдели и все о своем. Где-то за углом послышался женский голос, неразборчиво, и смех — короткий, уютный. Потом снова тишина. Не глухая — живая.

Алексей сделал шаг с крыльца.

Асфальт на Володарского был старый — в трещинах, залатанный, местами просевший. Из каждой трещины пробивалась трава — упрямо, по-весеннему, как будто ей никто не объяснял что асфальт это серьёзно. Кое-где трава уже победила: целые островки зелёного прямо посреди тротуара — того апрельского зелёного которое держится всего неделю, потом темнеет и становится жухлым.

Он шёл и смотрел под ноги.

На двери магазина напротив висела бумажка — рукописная, фломастером, чуть криво.

«Закррито с 1 по 3 мая. Праздник!»

Восклицательный знак жирный, дописан отдельно, с чувством. Замок висел с вечера — город закрылся раньше чем он вышел погулять.

Алексей достал телефон. Посмотрел на него. Убрал обратно.

И тут заметил — сначала неосознанно, потом уже не мог не замечать: ни у кого не было телефона в руках. Женщина у подъезда — без телефона. Мужик у забора тоже. Мальчишка лет десяти пронёсся мимо на велосипеде — просто так, без ничего, руки на руле. Алексей не помнил когда последний раз видел ребёнка который просто куда-то едет.

По улице шла женщина — лет сорока, в светлом плаще. В руках авоська — настоящая, сетка с пластиковыми круглыми ручками. Сквозь ячейки: хлеб, литровая бутылка молока с крышечкой из плотной серебряной фольги. Он не знал что такие ещё продаются. Женщина шла ровно, смотрела прямо перед собой, никуда не торопилась.

Алексей смотрел на бутылку дольше чем следовало.

Женщина прошла мимо ни разу не взглянув на него.

Появился мужик с удочками — три штуки, связанные пеньковой бечёвкой морским узлом, через плечо. На ногах болотные сапоги до бёдер, тяжёлые, резиновые — такие надевают с утра и уже не снимают до вечера. Шёл неторопливо, смотрел под ноги. Никуда не опаздывал — река никуда не денется, рыба ждёт.

Прошёл мимо Алексея. Не посмотрел.

Дальше он вышел к перекрёстку. Повернул налево — на Советскую. Просто потому что.

Советская открылась чуть шире — прямая, с липами по обе стороны. Липы стояли ещё голые, но уже с намёком: почки набухли, тронулись, ещё день-два — и первый лист. Откуда я знаю что это липы, — подумал он. — И откуда я знаю как выглядят липы. Над крышами — небо высокое, бледно-голубое, с редкими облаками которые никуда и не торопились.

У жилого дома на скамейке сидели три старухи. Одна держала в руках веретено. Вторая — что-то плела из тонкой нити, пальцы двигались быстро, привычно. Третья держала маленькие ножницы в артритных пальцах, таких узловатых, но цепких.

Когда он поравнялся с ними — все три одновременно подняли глаза. Молча. Посмотрели без любопытства, без злобы — так не разглядывают незнакомцев, так сверяются с чем-то известным только им. Удостоверились в том что искали, будто прочли — до конца, до последней страницы — и остались недовольны.

Потом так же одновременно отвернулись. И продолжили — плести.

Алексей почему-то прибавил шаг.

Он шёл дальше — по Советской, мимо липовых крон, мимо заборов. Никто не смотрел вслед. Алекс Пауэр, сто двадцать тысяч подписчиков, тысячи человек в зале — здесь просто человек в белых кроссовках. Это было непривычно.

Собачка

Он шёл уже минут двадцать.

Без цели — просто по улице, потом свернул, потом ещё раз. Дно было маленьким: свернёшь пару раз — и уже снова узнаёшь те же дома. Вон тот же магазин с замком. Вон та же тополиная крона — воробьи никуда не делись.

Он поймал себя на том что не знает куда идёт.

Это было странное ощущение. Не неприятное — именно странное. Он умел идти куда-то: в зал, в аэропорт, на встречу, к машине. Просто идти — не умел. Ноги шли, а задачи не было. Он попробовал вспомнить когда последний раз вот так — без маршрута, без пункта назначения. Не вспомнил.

Телефон лежал в кармане.

Он достал его. Посмотрел на экран — восемнадцать пропущенных, тридцать три сообщения, одно — от Кати. Не открыл. Убрал телефон обратно. Пошёл дальше.

Катя не позвонит еще раз — он это знал точно.

Не потому что ей всё равно. Как раз наоборот. Она напишет один раз, коротко, без вопросительных знаков — и будет ждать. Не требовать, не уговаривать. Просто ждать — так, как умеют люди, которые уже всё поняли.

Со скандалами было проще. Знал что говорить, как выходить, знал как потом мириться — цветы, ресторан, короткий

разговор о том что больше не повторится. Система отработана. А вот с этим — с тишиной которая ждёт — он не знал что делать.

Можно было вернуться. Прямо сейчас — сесть в машину, восемь часов по трассе, и к вечеру уже дома. Она откроет дверь. Скажет что-нибудь про обувь. Поставит чайник.

Он шёл дальше.

Навстречу шла женщина с собачкой — маленькой, лохматой, на длинном поводке. Собака шла деловито, знала куда и зачем. Женщина — за ней, явно доверяла маршруту собаки больше чем своему.

Алексей посторонился.

Женщина кивнула — коротко, по-соседски. Не разглядывая. Кивнула — и прошла мимо.

Он усмехнулся.

Первый раз за — он не помнил за сколько.

Потом подумал о том что город хотя и маленький, а людей — достаточно. Все при деле. Мужик с удочками — при деле. Три старухи — при деле. Женщина с авоськой — тоже. Никто не сидит и не смотрит в телефон. Никто не ждёт пока что-то начнётся. Все заняты.

Что-то уже происходило. Своим ходом.

Он достал телефон снова. Посмотрел. Заряд почти на нуле. Убрал в карман.

Пошёл дальше.

Номер

В номер вернулся около полудня.

Не потому что устал гулять — просто больше некуда было идти. Дно закончилось раньше чем он ожидал: несколько кварталов туда, несколько обратно, и всё. Не в смысле плохо — просто всё. Город был ровно того размера, которого был.

Алексей снял кроссовки у порога. Поставил аккуратно — привычка из тех времён когда в номерах была светлая плитка и тёмные следы оставались до следующей уборки.

На кровати лежали вещи — так и не убранные с утра. Пиджак на стуле. Рубашка поверх пиджака. Майка рядом. АР, АР, АР — три раза, в разных местах, одними и теми же нарядными вензелями.

Он собрал всё в одну стопку. Повесил пиджак в шкаф, на плечики. Рубашку — туда же. Майку сложил и убрал на полку.

Потом сел на кровать.

За окном было светло. День в самом разгаре. Впереди ещё часов восемь непонятно чего.

Сидел и не делал ничего.

Минуту. Пять. Десять. Он не считал.

Телефон давил в кармане — неудобно, как всегда когда садишься. Он встал, достал его и положил на подоконник. Рядом с пером.

На джинсах, чуть ниже кармана — светлое пятно протёртой ткани. Точно такое же было на прошлых джинсах. И на позапрошлых. Всегда одинаковое — размером с его телефон, формой с его телефон. Сила привычек, вызывающих деформацию у вещей вокруг.

В номере тихо. За окном щебетали воробьи на тополе. Далекий лязг со стороны станции, чей-то голос во дворе. Обычный день в обычном городе. Солнечный.

Он лёг на покрывало с геометрическим орнаментом — вверх, не раздеваясь. Смотрел в потолок. Пятно от утреннего солнца давно сдвинулось — теперь другое, меньше, у самой стены. На потолке была трещина.

Впереди — восемь часов.

Он не знал что с ними делать.

Потом поднялся. Взял перо с подоконника. Подержал. Тёплое.

В этот раз он не удивился. Просто держал — пока что-то внутри не отпустило.

Лёг обратно. Перо положил рядом, на покрывало. На подоконнике остался телефон — один, без пера, экраном вниз.

Светло. День никуда не торопился. Город жил своим. Солнце шло сбоку, через тюль, через стекло. Девять часов от дома.

Закрыв глаза.

Расписание скоростножизни скончалось.

Город не знал что он тренер по успеху. Город вообще мало

чем интересовался.

Глава 3

Сон

Он не сразу понял — спит или нет.

Пляж. Белый песок, очень белый и тёплый — такого не бывает в апреле, такого вообще не бывает в Псковской области, но он стоял на нём и это казалось естественным. Босые ноги утопали в песке — мелком, тёплом. Позади дюн высились сосны — большие, корабельные, пахло смолой так сильно, что можно было зачерпнуть этот запах руками. Впереди — море, серое, спокойное, без горизонта. Барашки только у мелкого берега.

И ворота.

Прямо на пляже, стояли без сетки — просто ворота для пляжного футбола. Железные, невысокие. Пустые. Жёлтая краска облупилась почти вся — осталась пятнами. Между ними ржавчина, коричневая, упрямая. На верхней перекладине сидела птица.

Большая. Рыжая. Смотрела на него не моргая. От птицы шёл свет. Не яркий — тёплый. Как из-за закрытой двери.

Он сделал шаг к воротам.

За спиной кто-то читал вслух — как читают детям перед сном:

— Дама сдавала в багаж...

Голос был знакомый.

— Диван, чемодан, саквояж...

Алексей обернулся.

Пронзительно загремел будильник.

Механический, противный. Будильник, который он не заводил.

Алексей открыл глаза.

Потолок. Белый, с трещиной — от угла до середины.

Лежал и слушал как будильник успокаивается сам — заводной механизм докрутил своё и замолчал. За окном было утро. Птицы. Товарняк где-то в конце гудка.

От сна осталось немного. Ворота с облупившейся краской. Птица.

Повернул голову. Перо на подоконнике светилось по краю — утро зацепило только его.

Всё ещё тёплое. Он знал это даже не прикасаясь.

Встал.

Солнце

Ярослава Громославовна снова была за стойкой.

Снова у порога — ровно между улицей и лестницей, как будто в других местах ей не стоитя. Он спустился — она подняла глаза, кивнула. Он кивнул в ответ. Этого было достаточно.

На улице стояло солнце — майское, особенное. Не летнее, которое давит и размывает — иное. Воздух ещё чистый, без пыльцы, без пыли, и в этом чистом воздухе свет стоял как вода в стакане — прозрачный, резкий, почти звенящий. Он прищурился, подумал не вытащить ли из машины свои рей-баны, но передумал и так пошёл. Расстегнул куртку. Куртка была явно не по погоде: на солнце жарко, но лишь шагнешь в тень — и сразу холодно. В тени другой воздух — ещё холодный, зимний. Шарф бы. Шапку бы. Но здесь он оказался спонтанно — просто ехал вперёд, а дорога привела.

По городу плыл знакомый из детства аромат.

Где-то жир уже капал с маринованного мяса на тлеющие берёзовые угли — медленно, с вкусным шипением, и каждая капля поднималась в вечность, вызывая ощущения, от которых начинало тянуть под ложечкой, наполняя рот слюнями, а мысли разбегались сами. Алексей просто шёл по улице, а запах шёл рядом.

Перекресток. Поворот на Советскую.

Откуда-то — не с улицы, просто из воздуха — слышался голос. Металлический, торжественный, мощный. Кажется Левитан — он слышал его в фильмах, в хрониках, такой голос ни с чем не спутаешь:

— Слава советскому человеку-труженику! Ур-ра, товарищи!

И следом — живое, из-за поворота:

— Ур-ра-а-а!

Он остановился.

Из-за угла вышла колонна людей. Человек двадцать, может больше. Красные флаги — настоящие, тканевые, местами выцветшие. Тюльпаны в руках — жёлтые, красные, белые. Рядом с мамой шел мальчик и гордо нёс красный шарик на капроновой нитке — держал нитку над головой двумя пальцами, а в другой руке флажок на светлой деревянной палочке, тоже красный, и тоже гордо.

Двое мужчин впереди держали транспарант:

МИР. ТРУД. МАЙ.

Буквы белые. Полотно красное, края обтрёпаны.

Шли радостно. Переговаривались, смеялись о чём-то своём. Флаги, антураж, повод собраться, выйти, порадоваться.

Алексей замер и просто смотрел. В 2026 году это было уже диковинное зрелище.

Пальто на женщине в первом ряду — длинное, приталенное, с большими пуговицами. Причёска с начёсом, лак. Розовые тени на скулах, стрелки на глазах. Кто все эти люди? Воротники не те. Вроде сегодня, но не сегодня. Или сегодня, но другое. Как будто день и настоящий, а календарь — нет.

Он родился в восемьдесят третьем. Первой теперь был картинкой из хроники, из тех времён которые сейчас было почему-то принято ругать. Не воспоминание, а именно картинка. Почти черно-белая, почти не реальная. Почти.

Но этот запах шашлыка он помнил. И он был связан именно с сегодня. Оказывается.

Колонна прошла мимо. Голоса смолкли. А запах остался.

Он постоял ещё немного и пошёл туда где над крышами виднелся шпиль вокзала.

Вокзал

Вокзал слышался раньше чем появился — низкий гул, далёкий лязг, короткий сигнал где-то за крышами. Узловой. Алексей шёл на звук.

Шпиль обозначился между домами — восемь метров, башня с часами, сталинский ампир. Здание открылось сразу — широкое, основательное, с арочными окнами. Яркие желтые стены. Построено на века. Таких вокзалов в маленьких городах почти не осталось. А жаль.

Паровоз стоял на постаменте у входа.

Чёрный, массивный, с красными колёсами. ЭМ728-23 — цифры крупно, белой краской, по борту. Он подошёл. Прочитал табличку:

«Установлен в честь революционных, боевых и трудовых традиций дновских железнодорожников».

Постоял немного.

Чёрный. Огромный. Пустили навстречу — было написано на другой табличке, поменьше, сбоку. Февраль семнадцатого. Навстречу царскому составу. Чтобы преградить путь.

Навстречу пустили паровоз. Этот.

Пошёл вдоль перрона.

Поклонный крест стоял в конце платформы. Каменный, высокий. У основания — живые цветы, сегодняшние, кто-то пришёл ещё с утра. Он наклонился, прочитал табличку.

Февраль 1917-го. Николай Второй остановил поезд здесь — ждал Родзянко. Странная фамилия. Председатель Думы — было написано мелко, в скобках. Родзянко не приехал. Царь дальше не поехал — повернул в Псков. Там подписал отречение.

Здесь просто остановился.

Не то место. Не тот человек приехал. Не то время. Не тот город.

Алексей выпрямился.

Он не уезжал из-за ссоры. Ссоры бывали и раньше — он умел их заканчивать, умел возвращаться. Это была не ссора. Он уехал, потому что..

Она была права.

А когда Катя права — он не знал что с этим делать. Брал сумку и уходил.

Царь тоже оказался в Дне. Когда-то давно. Потом все плохо для него кончилось.

Вернулся.

Собаку он увидел у фонтана — серая, лохматая, большая, на постаменте посреди чаши. Сидела себе спокойно. Смотрела в сторону путей. Он подошёл. Прочитал табличку:

«Хватились на станции Дно — потеряно место одно».

Маршак.

Он стоял и смотрел на эти слова.

Потом вспомнил.

— Дама сдавала в багаж...

Голос из сна — тот самый, негромкий, выразительный. Он вспомнил его отчётливо именно сейчас. Табличка перед ним была настоящая, металлическая. Маршака кто-то читал ему во сне, а собака здесь.

Он присел и машинально протянул руку, захотелось погладить. Правая лапа была светлее остального — отполированная, тёплая от солнца. Много рук трогали эту лапу до него. Подержал ладонь на металлической лапе пса.

Потом убрал руку. Поднялся. Постоял ещё немного.

Вокзал жил своей жизнью — объявления, лязг, чьи-то голоса на платформе. В городе праздник труда, а поезда шли по расписанию. Им не сказали про выходной.

От вокзала пошел по Невской.

На Невской — белая фигура на камне. Ангел. Он замедлил шаг — и пошёл дальше.

Первое касание

Ангел остался стоять.

Он стоял здесь задолго до паровоза, до креста на платформе, до шпиля с часами. Стоял, когда мимо проезжали те, кто

думал, что едет дальше. Те, кто проходит мимо, иногда возвращаются. Иногда — нет. Ангелу всё равно. Он не для тех, кто торопится. Он для тех, кто однажды остановится.

Этот пока прошёл мимо.

Ленин

Свернул наугад — туда где между домами просвечивала зелень. Парк нашёлся быстро: в маленьком городе всё находится быстро.

Аллея. Деревья в первом листу — светлом, прозрачном, небо сквозь. Лужи на дорожке после ночного дождя. И в центре — белый Ленин.

Ленины обычно стоят. Этот — сидел.

Крашенный, с серыми подтёками на постаменте — нога на ногу, корпус чуть развёрнут, смотрит куда-то вперёд и вбок. Спокойный. Рядом с ним на постаменте было пусто — чувствовалось что это место не всегда пустовало. Теперь вот так.

Неподалеку на зелёной скамейке сидел старик.

Лет семидесяти, может больше. Тёмная кепка, с коротким козырьком. Белая щетина — дня три, не меньше. Ватник застёгнут до верха. Старики, они все — теплосберегающие. Рядом с ним лежала газета «Правда», сложенная вчетверо. Термос. Руки на коленях. Сидел основательно — не отдыхал, именно сидел, будто наблюдал за чем-то.

Алексей сел на скамейку напротив.

Помолчали.

— Ты уже два дня как тут, Алексей, — сказал старик.

Не вопрос. Просто факт — как говорят про погоду.

Алексей посмотрел на него. Потом на Ленина. Ленин смотрел куда-то вбок — туда где за деревьями угадывалась охряная двухэтажка.

— Два, — сказал он.

Старик кивнул. Помолчал немного.

— Обычно на второй либо возвращаются — либо остаются.

— Кто?

Старик чуть повёл головой — в сторону Ленина. И больше ничего не сказал.

Помолчали.

— Я не знаю вашего имени, — сказал Алексей.

— Все зовут меня Палыч. Не знаю почему, ну и шут с ним.

Молчание растянулось. Не неловкое — просто долгая пауза. Птицы в листве. Далёкий лязг со станции. Запах шашлыка всё ещё тянулся откуда-то — уголь, пряный запах мяса, майское утро.

Он снова посмотрел на Ленина.

Ленин никуда не торопился. Сидел лет семьдесят уже — один, на своём месте. Старый сосед куда-то исчез. Новый пришёл сам — вот, сидит тут рядом, с термосом и «Правдой». Не спрашивает ни о чём. Просто сидит и тоже никуда

не торопится.

Если не растёшь — деградируешь, — всплыло откуда-то. И старик, и Ленин выглядели нормально. Алексей встал.

Ангел

Старик даже не посмотрел в его сторону. Открутил крышку термоса. Налил. От крышки отделилось облачко пара. К газете даже не притронулся.

Алексей постоял секунду — и пошёл не прощаясь.

Обратно он выбрал другую дорогу — просто потому что. Вышел снова на Невскую.

Ангел стоял у дороги — белая каменная фигура на камне. Он увидел его ещё издали, не ускорил шаг и не замедлил. Подошёл ближе.

Склонённая голова. Крылья сложены. Руки обнимают крест — не держат, именно обнимают, как обнимают то, что будет больно отпустить. По обе стороны — тёмные стелы с именами. У ног — живые цветы. Свежие, сегодняшние.

Кто-то тут был утром. Первое мая, в городе праздник — а всё равно пришёл.

Алексей замер.

Стоял и просто смотрел на Ангела, на имена. Не думал ни о чём особенном — просто стоял. Первый раз за два дня —

не думал ни о чём. Ни про вебинар, ни про Катю, ни про 847.
Две минуты. По меркам Алекса — почти вечность.
Не ушёл.
Ангел и не торопил.

Столовая

Он шёл обратно без спешки.

Столовая нашлась там же где вчера — между парком и гостиницей. Тётка за стойкой подняла глаза, кивнула. Он кивнул в ответ. Взял поднос, прошёл вдоль прилавка. Борщ, котлета, компот.

Съел всё. Не торопясь. Телефон не вынимал — лежал в кармане. Давно он так не ел. Обычно рядом экран: охваты, конверсия, сколько отвалилось на третьей минуте. Сейчас — просто борщ. Горячий.

Только тут понял что с утра ничего не ел. Шашлыком пахло весь день — а поел только сейчас.

Город темнел медленно — по-майски, нехотя. Он ещё побродил — без цели. Прощёл мимо знакомых уже домов, мимо Советской. Во дворе стоял мангал — угли давно остыли, никто не убирал. Запах угля ещё держался в воздухе — слабее, но держался.

На подоконнике у чужого дома лежал тюльпан — красный, немного подвявший. Кто-то положил его аккуратно: не

выбросил и не унёс. Просто положил. Где-то в городе мальчик с флажком уже дома. Шарик на капроновой нитке к этому часу, наверное, лопнул.

В номер вернулся когда зажглись фонари.

Придвинул стул к окну. Достал телефон из кармана, положил на подоконник — экраном вверх, рядом с пером. Смотрел на улицу. Фонарь. Тихая улица. Кто-то прошёл с собакой. Больше никого.

Коснулся пера пальцем — тёплое.

Посмотрел на телефон. Подумал про Катю — одну секунду. Не взял.

Он не уехал. Ещё нет.

Глава 4

Утро. Номер 8

Будильник громко тикал.

Алексей открыл глаза и посмотрел в потолок — туда, где простиралась длинная кривая трещина от угла стены к люстре под потолком, и люстра от этого висела чуть подбоченившись, как будто тоже устала держаться прямо.

Будильник он не заводил. Ни разу. Он тикал сам по себе, отсчитывал что-то своё.

Раньше он объяснил бы всё просто: тело само знает свой режим. Встаёт в одно время — значит система работает. Он часто рассказывал об этом на вебинарах. Ваше тело — ваш первый менеджер. Настройте его правильно — и оно вас не подведёт. Люди где-то за своими компьютерами кивали, присылали десятки смайликов.

Сейчас он лежал и понимал: нет никакой системы. Незачем вставать. Сейчас. И всё.

Он ждал тревоги, или лёгкой паники — а она всё не подкатывала. Это было даже странно. Прислушался — как прислушиваются к зубу, который ещё болел вчера.

Тихо.

За окном пахло шпалами. Этот запах он помнил с детства — сладковатый, терпкий, с чем-то смолистым внутри. Оран-

жевый — про себя, никогда вслух. Тёплый. Свой.

Откуда свой — не помнил. Где-то в Рубцовске, наверное, были пути. Или в Барнауле. Неважно.

Алексей встал и подошёл к окну.

Перо по-прежнему лежало на подоконнике — именно там, где он его и оставил вчера, и позавчера, и в первый день. Взял в руку. Немного подержал. Кожей ощутил его тепло — оно всегда почему-то тёплое, даже с утра, даже у холодного стекла. Положил обратно.

Телефон лежал на подоконнике рядом с пером. Экраном вниз.

847 человек купили курс.

Он подумал об этом. Подержал эту мысль — как держат что-то неожиданно потяжелевшее, проверяя на вес. Потом отпустил.

Выдохнул. Оделся. Вышел.

Конвеер

Запах шпал догнал его на крыльце.

Тот же — смолистый, сладковатый, оранжевый. Ветер нёс со стороны путей, и Алексей остановился на ступеньке, не дойдя до тротуара. Вдохнул. И оказался в другом месте.

Склад был длинный, кирпичный, с железной крышей, которая грохотала в дождь так, что не слышно было собствен-

ного голоса. Издательство — сортировочный склад готовой продукции. Стеллажи до потолка, погрузчик, накладные, фугоны с шести утра.

Книги.

Стеллажи уходили под потолок — пачки в плотной серой бумаге, плечом к плечу. На каждой от руки написан номер; на обёртке — паспорт: название, автор, выходные данные. Тысячи ярких книг, спрятанных в безликий картон.

В комнате у входа стояли образцы. По два-три экземпляра с партии — обложкой наружу. Бизнес, лидерство, успех — само слово «успех» встречалось на каждой третьей, он как-то посчитал. Были детективы, женские романы, фантастика — целые партии. Алексея это не волновало. Оптовики приходили сюда, выбирали, заказывали нужное количество пачек.

Алексей понял механику в первый день.

На второй — в перерыв — зашёл в ту комнату, взял книгу с полки. Не спросил. Понёс в дальний угол склада, к дивану. Продавленный, кожаный, тёмно-коричневый с треснувшим подлокотником. Судя по смятой подушке и забытой кружке, кто-то здесь иногда ночевал. Алексей сел. Открыл.

Перерыв кончился. Он не заметил.

Потом — в обед. Потом — после смены, когда склад пустел и за стеной лязгали последние составы. Никто ничего не говорил. Ни тогда, ни потом.

Глотал. Книгу за книгой, без системы, без плана — про-

сто брал следующую с полки и не мог остановиться. Как пересохший песок, в который льют воду — сколько ни лей, всё уходит.

В детстве он много читал — в Рубцовске, в библиотеке на углу, потом дома, под одеялом с фонариком. Потом — учёба, экзамены, подружки, музыка, ночные клубы. Стало некогда. Книги закончились, как заканчивается привычка, которую не кормишь.

Жажда вернулась на складе. Вся сразу. Кови, Карнеги, Трейси, Роббинс — фамилии с обложек, которые он потом будет произносить так, будто знал этих людей лично. Не знал. Знал их книги — каждую, от форзаца до последней страницы, на продавленном диване, пока за стеной лязгали составы.

Несколько месяцев. Потом склад закрылся — издательство переехало за МКАД, а он не поехал. Но книги остались внутри — непереваренные, жадно проглоченные, готовые к употреблению.

Он тогда не думал, что это образование. Думал — просто читает, потому что интересно. Через годы будет упоминать эти книги на вебинарах — и не скажет откуда. Сам забудет.

Консалтинговая компания занимала этаж бизнес-центра у метро — из тех, что называют бизнес-центром только потому, что внутри есть лифт и кулер.

Тридцать человек. Костюмы. Перегородки. Телефоны.

Каждый — за своей перегородкой, каждый — с гарнитурой, каждый — со скриптом. Звонили с девяти до шести, без перерыва. Голоса сливались в ровный гул — не громкий, не тихий, как работающий двигатель. Машина по производству мест на семинары.

Семинары. Личностный рост, трансформация, прорыв — слова, которые повторялись в скрипте по кругу. Алексей выучил скрипт за первый день. Ко второму — понял, что скрипт не важен. Важен голос. Первые три секунды. Если голос говорит «я не продаю — я помогаю», человек на том конце не бросает трубку.

В центре комнаты висел колокол.

Латунный, тяжёлый, на кронштейне у стены. Когда кто-то продавал место на семинар — вставал, шёл к стене и бил. Звук — короткий, гулкий, разносился по всему этажу. Все поднимали головы на секунду. Потом опускали. Снова тридцать голосов, снова гул.

Алексей ударил в первый раз на третий день. Звук прошёл через руку в грудь. Дальше — туда, чему он не знал названия. Коллеги прервались и стали аплодировать. Вернулся на место. Надел гарнитуру. Набрал следующий номер.

Потом стал бить чаще. К концу первого месяца — больше всех.

Всё было максимально обезличено. Ни лиц клиентов, ни имён — только голоса в трубке, только номера в базе. Человек покупал место на семинар, и на этом связь обрывалась.

Что с ним происходило далее — на семинаре, после семинара — никто не знал, да и не спрашивал. Личностный рост на конвейере. Колокол звонил — значит, система работала.

Его заметил Роман.

Менеджер. Тридцать с небольшим. Костюм Hugo Boss, одоимённый парфюм — сладковатый, густой, заполнял собой комнату раньше хозяина. Яркий галстук, запонки, мобильник-раскладушка в нагрудном кармане. Роман не звонил клиентам — ходил между перегородками, слушал, кивал, иногда ставил галочку в блокноте.

Он вызвал его в пятницу.

— У тебя хороший голос, — сказал Роман. — Но выглядишь ты как грузчик.

Алексей посмотрел на себя. Джинсы. Кроссовки. Свитер.

— Завтра суббота, — сказал Роман. — Поедем в ЦУМ.

ЦУМ пах иначе. Не книгами, не картоном, не потом — аромат дорогой жизни, ноты пачули, кожи и чужих денег.

— Обувь, — сказал Роман. — Начнём с обуви. Клиенты первым делом смотрят на обувь. У тебя не будет второго шанса произвести первое впечатление.

Ботинки стояли на стеклянной полке — тёмно-коричневые, матовые, с тонкой подошвой. Алексей потрогал кожу. Посмотрел на ценник.

Почти вся первая зарплата. Нет — вся.

Он стоял и считал. Не вслух — в голове. Быстро, как на

складе когда-то коробки. Зарплата минус ботинки — остаток: на два дня, если экономить. У кого занять. Серёга — нет, сам на мели. Мать — нет, стыдно. Парень с третьего стола — может, если попросить аккуратно.

— Бери, — сказал Роман. — Это инвестиция в себя. Нельзя говорить «не могу себе позволить» — это мышление неудачника. Говори «как я могу себе это позволить». Чувствуешь разницу?

Алексей чувствовал разницу. Разница была — четырнадцать тысяч рублей.

Кивнул. Лицо — спокойное. Внутри — калькулятор. Купил.

В понедельник пришёл в новых ботинках. Костюм — старый, единственный, но ботинки сияли. Сел. Гарнитура. Номер. Продал. Встал, ударил в колокол. Вернулся.

К обеду правая пятка горела. Не снял. К вечеру — обе. В туалете стянул правый — носок в крови. Аккуратное тёмное пятно, размером с монету. Надел обратно. Дозвонил смену.

На второй день заклеил пластырем, натянул ботинки, стиснул зубы. К обеду пластырь промок насквозь. К вечеру мечтал об одном — снять их прямо здесь, в коридоре, и босиком дойти до метро, чтобы никто не заметил. Не снял. Дошёл. В метро сел и не вставал до конечной.

На третий — сдался. Пришёл в кроссовках, в тех самых, со склада. Шёл по коридору и чувствовал на себе взгляд Романа. Ничего не сказал.

Неделю — кроссовки и бинты. Пятки заживали медленно. Он сидел за перегородкой, звонил, продавал и чувствовал, как под бинтами пульсирует. Колокол звонил — и каждый раз, когда он вставал и шёл к нему, пятки горели.

Потом зажило. Ботинки разносились — кожа приняла форму стопы, стала мягкой, своей. Надел снова. В этот раз — не больно.

Его чек рос стремительно. Он нравился людям — голос, уверенность, спокойствие. Через пару месяцев — костюм. Ещё через месяц — часы. Обувь, ремень, часы. Роман был прав. Или не прав — но люди уже смотрели снизу вверх, и то, что видели, им нравилось.

Мозоли на пятках остались. Маленькие, жёсткие. Их не видел никто.

Алексей стоял на крыльце гостиницы «Дно».

Запах шпал. Майское утро.

Посмотрел вниз — кроссовки. Белые, мягкие, на плоской подошве. Из сумки, той самой, собранной давно. Удобные.

Ударил колокол.

Где-то за крышами домов виднелась колокольня.

Пошёл на звук.

Церковь Михаила Архангела

Церковь стояла в конце Советской — на небольшом возвышении, в окружении старых тополей. Алексей увидел её ещё издали: белая, приземистая, с колокольной чуть в стороне. Тополя стояли пока голые — листья ещё не вышли, только набухли почки, и сквозь ветки было видно небо. Бледное, почти белое.

Он не планировал сюда идти. Просто улица заканчивалась именно здесь.

Дверь была открыта.

Внутри — полутемно и тихо. Пахло воском и чем-то сухим, древним. Он остановился у порога, пока глаза привыкали к полумраку. Никого внутри не было. Или кто-то всё же был — где-то в глубине, за колонной — он не стал выяснять.

Иконы по стенам. Свечи, лампы. Он шёл вдоль них медленно, не потому что собирался помолиться. Молиться он не умел. Шёл медленно — так ходят в таких местах. Наверное. Лики смотрели мимо. Или сквозь.

И тогда он увидел Илью.

Огненная колесница. Кони вздыблены — рыжие, почти красные. Под колёсами — облака. В руке — не меч, а что-то вроде свитка. Вокруг — огонь, везде огонь. Внизу, у самого края, кто-то маленький тянулся вверх — схватился за угол плаща обеими руками и не отпускал. Просто огонь. Как будто он всегда был — и всегда будет.

Алексей стоял и смотрел.

Просто видел огонь, а огонь видел его.

В углу стояла ещё одна икона.

Небольшая. Тёмная от времени. Не на главном месте — немного сбоку, почти за косяком, как будто её задвинули туда или она сама решила отойти, чтобы никого не отвлекать. Рядом — табличка, написанная аккуратным каллиграфическим шрифтом на слегка пожелтевшей карточке:

«Список иконы Пресвятой Богородицы Старорусской. Чтимый образ. Оригинал иконы хранился в сем храме в 1943–1946 гг.»

Он перечитал.

1943

Значит — война. Значит кто-то вёз её сюда — в этот маленький город, на этот край, подальше от фронта. Прятал. Дно прятало — пока было опасно. Потом, когда стало можно, отпустило. Вернуло. Оставило себе лишь копию.

Он простоял у этого угла чуть дольше, чем у всего остального в церкви.

Вышел.

У входа заметил цветник. Кто-то разбил его прямо рядом с камнями: жёлтые нарциссы, несколько штук, упрямые. Рядом — что-то зелёное, густое, ещё не цветущее. Он не знал как называется. Кто-то явно ухаживал — земля была рыхлой, без сорняков. Самого человека не было. Только следы рук.

Алексей остановился. Посмотрел на нарциссы.

Такие он видел в детстве — каждую весну, на постаменте

у памятника по дороге в школу. Жёлтые, упрямые, всегда первые весной.

Он спросил тогда бабушку как они называются.

— Нарциссы, — сказала она. — Красивые, правда?

Пожал плечами. Ему было семь лет.

Он так и не сказал ей тогда, что они и вправду красивые. Было некогда. А потом её не стало.

Катя бы точно знала как называется то зелёное между камней. Она вообще хорошо знала названия цветов — наверно всех, не только роз. Её любимые цветы всегда были пионы, а он всегда дарил розы. Потому что розы понятнее.

Пошёл к реке.

Река

Берег нашёлся сам — тропинка между тополями вывела его прямо к воде. Трава влажная, земля под ногами мягкая, немного проваливалась. Он спустился, держась за ветку — кора была мокрая, холодная.

Речка оказалась маленькой. Почти ручей. Осока по краям только поднималась — жёсткая и острая на вид. Вода тёмная, почти коричневая. Он посмотрел вниз.

Дна не было видно.

Нашёл бревно у воды — сухое, давно лежавшее — и сел. Холод от воды почувствовался сразу. Бодрящий.

Вытащил перо из кармана — оно всегда там оказывалось, он уже и не удивлялся. Положил на колени и стал смотреть.

Попробовал вспомнить, когда в последний раз вот так сидел. Без телефона, без списка задач, без следующего шага в плане. Была Турция три года назад — но там был шезлонг и вай-фай, и он отвечал на письма. Был ретрит под Звенигородом — но там была программа, фасилитатор и «практика осознанного молчания» с таймером на сорок минут. А ещё там были странные люди вокруг, вроде и просветлённые, но постоянно напоминали об этом окружающим.

Таймера сейчас не было. Людей тоже.

Никакой практики. Никакого смысла сидеть здесь — и именно поэтому можно было сидеть сколько угодно.

Над водой появилась птица — серая, низко, почти касалась поверхности. Он смотрел за ней. Птица свернула за излучину и пропала.

Он не стал её искать глазами.

В какой-то момент встал — не потому что пора. Убрал перо в карман. Вытер ладони о джинсы — кора оставила влажный след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.